

КЛИФФОРД ФАУСТ

ВЕЛИКИЙ ТОРГОВЫЙ

ПУТЬ ОТ ПЕТЕРБУРГА ДО ПЕКИНА

ИСТОРИЯ
РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ
ОТНОШЕНИЙ
В XVIII—XIX ВЕКАХ

Клиффорд Фауст

**Великий торговый путь
от Петербурга до Пекина.
История российско-китайских
отношений в XVIII— XIX веках**

«Центрполиграф»

УДК 947.07
ББК 63.3(2)46

Фауст К.

Великий торговый путь от Петербурга до Пекина. История
российско-китайских отношений в XVIII— XIX веках /
К. Фауст — «Центрполиграф»,

ISBN 978-5-9524-5372-2

Клиффорд Фауст, профессор университета Северной Каролины, всесторонне освещает историю установления торговых и дипломатических отношений двух великих империй после подписания Кяхтинского договора. Автор рассказывает, как действовали государственные монополии, какие товары считались стратегическими и как разрешение частной торговли повлияло на развитие Восточной Сибири и экономику государства в целом. Профессор Фауст отмечает, что русские торговцы обладали не только дальновидностью и деловой смёткой, но и знали особый подход, учитывающий национальные черты характера восточного человека, что, в необычайно сложных условиях ведения дел, позволяло неизменно получать прибыль и поддерживать дипломатические отношения как с коренным населением приграничья, так и с официальными властями Поднебесной. Подводя итог, историк сообщает, что увеличение торгового оборота с Китаем дало толчок к развитию предпринимательской деятельности в России, а таможенные сборы от частной приграничной торговли стали основным источником денежных поступлений в государственную казну.

УДК 947.07
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-9524-5372-2

© Фауст К.
© Центрполиграф

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	10
Глава 2	22
Посольское задание	25
Подготовительные мероприятия и сами переговоры	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Клиффорд Фауст
Великий торговый путь от Петербурга
до Пекина. История российско-
китайских отношений в XVIII–XIX веках

Посвящаю моим родителям

CLIFFORD M. FOUST

MUSCOVITE AND MANDARIN

RUSSIA'S TRADE WITH CHINA AND ITS SETTING 1727—1805

Предисловие

Изначально настоящий труд замышлялся как общее исследование российских отношений с Китаем на протяжении трех завершающих четвертей XVIII столетия. Приступая к работе, автор намеревался изучить весь спектр событий и отдельных эпизодов в общении двух народов, в том числе на дипломатическом, деловом и культурном поприще. Китайские прямые и ответные действия предстояло подвергнуть рассмотрению в контексте прямых и ответных действий русских участников отношений. Целью при этом ставилось достижение исторического «синтеза» этих различных по тому же историческому опыту обществ, представители которых вступают в общение. От такой изначальной цели, однако, пришлось отказаться в процессе настоящего исторического исследования. Совсем иной набор предметов исследования пришел на смену тех целей, с которыми автор приступил к делу.

Автору казались важными не сами отношения между этими двумя обществами, их государственным и торговыми представителями, хотя у такого общения на самом деле возникали захватывающие, причем иногда вызывающие восхищение эпизоды, а историческая динамика знакомства двух народов как представителей мира Востока и Запада. Попытка обнаружения смысла как такового в поведении двух народов и описания их обоих со знанием дела оказывается в лучшем случае неудачной. Пришло решение сосредотачиваться прежде всего на России, действиях и решениях русских представителей, а также их устремлениях и динамике российской экспансии.

Основной акцент в российских торговых отношениях с китайцами появился только в процессе исследования. И теперь можно с большой уверенностью утверждать, что в эти первые годы общения русских людей с китайцами ведущей целью большинства их, как представителей государственного, так и частного сектора, считался торговый обмен. Все остальное считалось второстепенным. Тем не менее на торговле, объем которой вырос в XVIII столетии, самым пагубным образом сказалось множество факторов и моментов далекого от экономики свойства. Решениями, принятыми в Санкт-Петербурге, и договоренностями, согласованными российскими и китайскими дипломатами, а также придворными вельможами, не только регулировались, но и время от времени диктовались обстоятельства, сроки и объемы торговли. Такие вопросы, как прохождение границ, обращение с беглецами и переселенцами, пересекавшими установленные границы, обеспечение жильем русских священников и студентов в Пекине, а также определение порядка обмена дипломатической корреспонденцией, в тот или иной момент становились причиной приостановления отношений между Россией и Китаем. Соответственно, всегда тормозился и торговый обмен. Иногда торговля прекращалась на несколько лет. Притом что такие не относящиеся к торговле ситуации прекрасно известны историкам, о них практически ничего не известно обывателю. В этой связи российская торговля с Китаем в настоящем труде рассматривается в контексте не имеющих отношения к торговле событий, решений и факторов.

Русские люди отправились в Китай ради обмена товарами в расчете на прибыль. И государственный чиновник, и купец-единоличник видели в этом предприятии один только барыш. К середине XVIII столетия их усилиями Российскому государству досталась монополия над сбытом разнообразных товаров на территории Китая, а в китайской столице за ним оставалась вся внешняя торговля. Купцам-единоличникам (после 1727 года) осталась одна только приграничная торговля. Таким образом, российскую торговлю с Китаем следует рассматривать как случай соперничества между полной государственной торговой монополией (иногда монополия осуществлялась представителями исключительно государства, а временами ее поручали частным предпринимателям) и частными лицами. При всем при этом такое соперничество в китайской торговле не следует считать исключительно русским изобретением в хозяй-

ственной деятельности государства XVIII столетия. Вполне естественно, что практически все описанные в настоящем труде моменты касаются всей истории хозяйственной деятельности России в XVIII веке. Однако китайская торговля по многим параметрам представляется случаем особым: огромная удаленность, неизведанная страна, высокий риск убытков, жесточайшее государственное регулирование, а также участие в деле особого рода торгового люда (как государственной принадлежности, так и из частного сектора). После заключения Кяхтинского договора (1727) вмешательство Российского государства в торговлю с Китаем выглядит напористым и постоянным. Другими словами, в политике государства и государственном регулировании упор делается на собственных монополиях и частной торговле. Упор в таком деле требует объяснения с точки зрения изменений в административной и управленческой структуре одновременно в самом Санкт-Петербурге и в Восточной Сибири, затрагивающих торговлю.

Повествование в настоящем труде начинается как раз с 1727 года. В том году новым документом – Кяхтинским договором – заменили прежний и более известный Нерчинский договор. Кяхтинским договором предусматривалось значительное и существенное изменение условий и сроков торговли между Россией и Китаем. Среди прочего, четко определялось различие между торговлей в самой китайской столице и торговлей в приграничной зоне. Прежние порядки торговли заменили новыми методами, и появилась «кяхтинская система», как назвал ее один из авторов, сопоставивший ее с «кантонской системой». Та «система» подверглась более тщательной доработке на протяжении XVIII столетия, и до середины XIX века она оставалась практически неизменной.

Наше повествование завершается с наступлением XIX столетия потому, что к тому времени окончательно урегулируются условия торговых отношений и заключаются соглашения, касающиеся далеких от экономики сфер. Они оставались по большому счету без изменений до тех самых пор, пока китайцы не потерпели сокрушительного поражения в войнах, развязанных с ними англичанами. Между 1803 и 1806 годами русские чиновники предпринимали попытки радикально изменить сложившиеся порядки, но из-за непреклонной позиции китайцев ничего позитивного добиться им не удавалось до тех пор, пока внешние условия для Китая не изменились самым существенным образом.

Следовательно, главным предметом настоящего труда следует считать российскую торговлю в Китае и с китайцами. Ее можно рассматривать в качестве выборочного исследования истории российской хозяйственной и предпринимательской деятельности в XVIII столетии, притом что автор не ставил перед собой конкретной задачи описания китайской торговли в расширенном контексте. Время для такого систематизированного исследования еще не настало, так как о России XVIII века написано крайне недостаточно научных работ, и поэтому невозможно выделить даже общие принципы построения ее экономики того периода истории.

Из тех же соображений пришлось отказаться от попытки сравнительной истории. Оставим прочим добротам исследование особенностей русского проникновения на Восток в сопоставлении с натиском туда колонизаторов из числа португальцев, испанцев, англичан и позже американцев. Из подобного сопоставления действий европейцев в Восточной Азии возникают весьма любопытные открытия, и представляется вполне очевидным тот факт, что на поверхности такого исследования обнаруживается важное понимание природы и пикантного духа общества этих европейских обществ на их родине.

На всем протяжении повествования применяется юлианский календарь, вошедший в широкое употребление в России XVIII века. Для перевода на григорианский календарь следует добавлять 10 дней в XVII веке, 11 дней – в XVIII веке и 12 – в XIX.

Ради упрощения многочисленных библиографических ссылок автор на протяжении всего повествования использует русские названия без упоминания России. Так, где носителем власти упоминается официальное учреждение (например, Правительствующий сенат), любез-

ному читателю следует по умолчанию считать его русским, кроме конечно же тех случаев, когда он совершенно определенно обозначается.

Глава 1

Дорога на Кяхту

Состоятельные русские люди уже в XV и XVI столетиях знали о существовании китайских гладких шелков, их завозили в Московию торговые посредники из Средней Азии задолго до того, как русский царь или его придворные задумались о том, чтобы послать своих представителей для налаживания прямых контактов с китайцами. Соблазн Востока возмутил русскую душу еще в конце XVI столетия, когда царь Иван IV вмешался в восточную систему государственных отношений на официальном уровне, что к началу XVIII века превратилось в характерную черту русской истории. Так что началось все задолго до подвигов покрывшего себя заслуженной славой Николая Николаевича Муравьева-Амурского. Первыми русскими людьми, побывавшими в китайских владениях в новое время (при Иване Грозном), считаются казаки Иван Петров и Бурнаш Ялычев, так и не получившие приема при дворе китайского императора. Зато одновременно началось формирование предварительных условий для официальных контактов и торговли между Россией и Китаем через возводившиеся в Сибири города, служившие тогда обычными пограничными крепостями. Со временем Тюмень (1586), Тобольск (1587), Томск (1604), Енисейск (1619) и все остальные приграничные поселения превратились в дорожные станции на пути в Пекин. Еще до середины XVII столетия русские первопроходцы достигли студеной воды северной акватории Тихого океана, а в 1654 году состоялась закладка ключевого города Восточной Сибири на бурной Ангаре – Иркутска. За без малого 100 лет они прошли, заселили, привезли с собой имущество, покорили, подкупили местное население и наладили торговлю на всем пространстве Северной Сибири.

Русский народ двинулся на Восток в силу целого ряда разнообразных мотивов: начнем со сплава православной прозелитизации (принятия нового вероисповедания взамен прежнего) и честолюбия во времена испытаний, добавим к ним погоню за торговым барышом, бегство от феодальной кабалы на родине, а также жажду острых ощущений и невиданных приключений. Торговую прибыль не стоит ставить во главу угла, хотя никто из русских первопроходцев от нее никогда не отказывался. В XVI и XVII столетиях наглядных свидетельств устойчивого интереса к данной территории, кроме как к источнику прекрасных мехов для московского двора, у русских правителей не просматривается. «...Сибирь представляла собой захолустное поместье очень богатого землевладельца, – писал в середине XX века Марк Раев. – Она ценилась как источник дополнительного дохода, а также некоторых забавных и приятных предметов, но играла незначительную роль в общем хозяйстве феодального владения, и ей уделялось совсем мало внимания». Доход из Сибири и прилегающих к ней земель поступал в основном от пушного промысла. С самого начала их освоения сибирские меха доставляли в столицу для последующей продажи и в России, и в Европе. Но со временем обнаружился еще один рынок для сбыта пушнины – тот самый Китай. Китайский рынок обладал двойным преимуществом; китайские пышные наряды и экзотические товары можно было приобрести в обмен на без особого труда добываемую и выделяемую пушнину, чтобы потом эти товары доставлять в Россию (а часть их отправить в Европу). Первым российским «дипломатом» в Китае Ивану Петлину (1618–1619) и Федору Исаковичу Байкову (1654–1658) поручили выяснить потенциал торговли, а также определить наиболее удобные пути проникновения в эту страну, а также в Индию и Персию.

Упорядоченная и юридически обусловленная торговля между двумя великими империями началась уже после острой вооруженной конфронтации. Русские звероловы-охотники вышли на территорию области под названием Даурия еще до середины XVII века. И, к своему удивлению, обнаружили, что маньчжуры считали весь Амурский бассейн реки своей вот-

чиной. Маньчжуры превосходящими сухопутными и речными силами всякий раз срывали планы русских звероловов-охотников, пытавшихся основать на Амуре свои остроги (крепости) и деревни. Тогдашнее противостояние вылилось в известную нам теперь осаду Албазинского острога в 1685–1686 годах. Маньчжуры добились успеха, а выживших русских защитников крепости переселили в Мукден и Пекин. Осада Албазина послужила убедительным поводом для перехода к мирным переговорам по определению границ территорий России и Китая, а также заключения соглашения по базовым принципам отношений между двумя империями. В 1685 году в Москве выбрали своего первого полномочного посла для отправки в Китай – Федора Алексеевича Головина.

Ф.А. Головину поручили ведение переговоров об обозначении границы по реке Амур, если это окажется возможным, при одновременном сохранении права русских купцов торговать вдоль данной реки и ее притоков. Изначально он следовал приказам, требующим от него максимального отказа от уступок по русским поселениям, расположенным по берегам Амура, но в 1687 году ему передали полномочия сдать разрушенную крепость Албазин маньчжурам в обмен на «величайшую благодать». Тем самым Ф.А. Головин открыл торговые пути между Московией и Средним царством. От него требовалось предотвратить насилие и кровопролитие, которые, понятное дело, угрожали срывом успешным торговым отношениям.

А императору Канси передавалось приглашение отправить свою дипломатическую миссию в Москву в обмен на прибывшее в Пекин русское посольство. Причем надежды возлагались на то, что такая миссия прибудет с грузом драгоценных камней, серебра, бархата, камчатого полотна и специй. Русское правительство обещало выкупить у китайского посольства все эти изысканные товары. Если бы выполнить все эти задания ему не удалось, Ф.А. Головину следовало убедить маньчжурский двор оставить дверь открытой для российского посольства на будущее.

Изначальным местом для переговоров назначили русский острог Селенгинск на реке Селенга к югу от озера Байкал, но пекинским представителям пришлось вернуться. Дорогу им преградили участники Джунгарского мятежа во главе с ханом Галданом-Бошогу. Саму свиту Ф.А. Головина осадили в Селенгинске монголы, вытесненные на север набегами людей Галдана-Бошогу. Нам предстоит убедиться в том, что джунгарская проблема еще на протяжении значительной части следующего столетия будет осложнять российско-китайские отношения. Вожди этой влиятельной народности, относящейся к группе монгольских ойратских (элютских) племен Средней Азии, постепенно объединили под своим началом соседние племена и тем самым в 1630-х годах нарастили собственную военную мощь. Неизбежным казался такой исход, при котором пришедшие к власти в Китае маньчжуры, отличавшиеся непомерными экспансионистскими устремлениями, постараются оспорить господство джунгар над Средней Азией. К 1668 году хан Галдан-Бошогу, получивший от русских властей огнестрельное оружие и оружейников, предпринял попытку установления власти над своим регионом. Он вполне мог претендовать на господство во всей Восточной Азии. Пал под натиском его отрядов Восточный Туркестан, в осаде оказались Хами и Турфан. Усилия императора Канси по умиротворению джунгар на совете в 1686 году закончились неудачей, а хан Галдан-Бошогу напал на халха-монголов. Его полчища хлынули в восточном направлении. К тому времени, когда Ф.А. Головин со своей свитой прибыл на тот самый край Сибири, контроль над Средней Азией вызывал большие сомнения. Только после того как русские и маньчжуры договорились заключить Нерчинский договор (1689), хан Галдана-Бошогу удалось разгромить в сражении при Улан-Бутуне. Решительного поражения джунгары не понесли, но им все равно пришлось отказаться от похода на китайскую столицу и согласиться на клятву мира. Галдан-Бошогу наложил на себя руки в 1697 году, и на этом завершилось первое крупное вооруженное столкновение между джунгарами и маньчжурами. Последнее противостояние заняло еще 60 лет.

Вынужденные из-за военных действий джунгарских вооруженных отрядов перенести место переговоров дальше на восток российской границы в острог Нерчинска на реке Шилке, Ф.А. Головин, возглавлявший русскую делегацию, и китаец Сонготу, которому в качестве переводчиков латыни служили иезуиты испанец Томас Перейра и француз Жан Франсуа Жербильтон, 12 августа 1689 года приступили к порученному им делу. Две недели спустя договор удалось согласовать. Считается, что Ф.А. Головин заключил откровенно невыгодный договор по той причине, что 10 тысяч маньчжурских ратников в подавляющем большинстве превосходили его казачье войско. Однако нет фактов, подтверждающих, будто подписанное им соглашение противоречило главным целям властителей России. Ф.А. Головин строго в соответствии с новыми инструкциями уступил все российские права на долину Амура, зато отстоял наиболее актуальную для Москвы прямую торговлю в Пекине на основе официального соглашения. Русские предпочли вещественные и конкретные преимущества пекинской торговли неопределенным выгодам ловушки в Амурском бассейне и судоходства по этой реке к не изведанному для них морю.

Нерчинский договор считается первым межгосударственным документом, заключенным властями Срединного царства в истории нового времени, и он состоял из шести очень коротких пунктов. Граница между Россией и Китаем обозначалась по рекам Аргунь и Горбица (левый приток Шилки), а также вдоль водораздела бассейнов рек Лена и Амур до реки Уда и моря. Тем самым, следует признать, русские потеряли станицу Албазин. Всем дезертирам или пленникам с обеих сторон предписывалось оставаться там, где они находились на момент заключения договора, но впредь беглецов следовало возвращать их властям. Русским купцам разрешалось продолжать торговлю, с доступом в Пекин тем из них, кому русское правительство выдавало разрешение на такую деятельность; согласно тому же договору китайцам разрешалось посещать территории России в соответствии с теми же самыми условиями.

Положения данного договора, посвященные торговле и купцам, выглядят туманными и неоднозначными, но главное дело состояло в том, что ими открывались внутренние области Китая для регулярных российских торговых обозов. Бюрократическая машина москвитов сработала оперативно, и русским дипломатам удалось установить государственный контроль над потенциально выгодным торговым маршрутом. Спустя без малого четыре года после подписания Нерчинского договора высочайшим указом от 30 августа 1693 года утверждались общие и частные инструкции для сибирской таможни и колониальных властей, главные принципы которых оставались в силе без изменений до середины XVIII века. Изначально москвиты не пытались на государственном уровне полностью монополизировать свою торговлю с китайцами, то есть закрепить за государством исключительное право на отправку обозов. Все сводилось скорее к пристальному контролю над деятельностью купцов-единоличников и посредников, проявлявших интерес к посещению Пекина и других китайских городов с деловыми целями. Так как в соответствии с положениями Нерчинского договора предусматривалось получение официальных паспортов для всех купцов, намеревающихся посетить китайские территории, указом от 1693 года все сибирские должностные лица уведомлялись о том, что кому бы то ни было запрещалось отправляться в Китай без царского указа и «патента» (грамоты), выдаваемых в официальном департаменте или Сибирском приказе, которому с 1637 года делегировались общие полномочия по управлению делами в Сибирском крае и его приграничных землях. Наличие данных документов проверялось таможенниками в городе Верхотурье на Урале, назначенном официальным пунктом пропуска в Сибирь, а потом еще в Нерчинске, через который осуществлялся выезд на территорию Маньчжурии и самого Китая, а также на всех дорожных станциях, открытых на данном пути. К паспорту купца прилагался полный список и описание всех перевозимых товаров. По ним назначалась и взималась сумма государственных таможенных пошлин. В Верхотурье и Нерчинске взималась обычная сибирская подать в размере 10 процентов (десятины) натурой и выдавалась квитанция, скреплен-

ная государственной печатью. Данную квитанцию проверяли и сверяли с товарами в каждом крупном городе в Сибири; все перевозимые товары, не перечисленные в справке об оплате пошлины, подлежали изъятию в пользу государства. В том случае, когда купца повторно уличали в попытке обмана таможенных служащих, его родственников и домочадцев подвергали допросу с пристрастием с целью выявления предыдущих попыток мошенничества провинившегося купца. Государственным чиновникам и их близким родственникам вне зависимости от звания или должности категорически запрещалось заниматься торговлей с Китаем. Единственное исключение касалось солдат и служилого люда, сопровождавшего обозы в Пекин или работников таможенной станции на границе. Последним из-за их нищенского денежного содержания предоставляли возможность для вложения капитала в частные обозы максимальным размером до 50 рублей.

Царь Петр Алексеевич, к тому времени еще не удостоившийся титула Великий, в 1698 году издал указ, которым несколько ослабил строгие положения инструкций и правил указа от 1693 года. Купцам-единоличникам больше не вменялось в обязанность предоставлять для проверки свои товары в каждом городе и на каждой базарной площади. Достаточно было предъявить его только лишь в начальном и конечном пункте – в Верхотурье и Нерчинске, а работники таможи этих городов отправляли друг другу копию инвентарной описи товаров купца, которые служили просто подтверждением ее достоверности. По-прежнему начислялась таможенная десятина, но только единожды; взималась натурой одна двадцатая веса всех товаров, приобретенных в Сибири, и товаров, вывозимых в Китай. Повторной оплаты не требовалось. С ввозимых из Китая товаров оплачивалась двадцатая часть в Нерчинске, и, даже если их сбывали в Сибири, с купца больше ничего не причиталось. Зато еще одну двадцатую часть сбора платил покупатель.

Что же касается самих обозов, то декретом от 1698 года утверждалось условие, при котором их следовало отправлять не чаще одного раза в два года. За четыре года до издания данного декрета обозы, насколько нам известно, были ежегодными, и возникла угроза насыщения китайских рынков русскими товарами. На протяжении тех первых лет многие товары, отправляемые в Китай обозами, принадлежали частным лицам, и их сопровождали купцы, владевшие ими, ради предохранения своих капиталовложений, невзирая на то что принадлежавшие государству грузы (сибирские меха и кожи) могли составлять половину общего объема груза. Для управления и распоряжения таким обозом из числа купцов Сибири покрупнее выбирали мужчин, которые, как правило, уже находились на государственной службе. Купцы помельче служили в качестве присяжных оценщиков или целовальников (буквально «тех, кто целовал крест», то есть дал клятву), задачей которых ставилась оценка государственного добра и тщательное ведение счетов. Иностранцев от участия в этой китайской торговле отстранили, кроме тех из них, кто получил специальное разрешение Сибирского приказа. Русские купцы с запада от Урала могли бы принять участие в торговле без паспорта, но тогда им следовало внести номинальный сбор в размере 1 рубля с человека и после проживания на территории Сибири в течение одного года. Подделка декларации на товары или исправление данных в квитанции об оплате таможенных пошлин вели к утрате торговых привилегий на китайском рынке.

Таким образом, власти Русского государства с самого начала взялись за контроль и регулирование торговли с Пекином через составление обозов под управлением влиятельных купцов, нанятых ими на службу, через назначение заранее проложенных торговых маршрутов через Сибирь, тщательный учет перевозимых товаров, а также через истребование безотлагательного внесения таможенных пошлин, взимаемых в «портовых» городах Сибири. Простая цель Москвы заключалась в извлечении максимальных таможенных доходов; механизмом для этого стало жесткое регулирование внешней торговли. Причем сановники позаботились о том, чтобы в таких условиях предоставить купцу-единоличнику возможность для наживы.

Надзор за обозами можно назвать только одной стороной государственного контроля над торговлей русских купцов с китайцами; оборотной стороной был категорический запрет на частную торговлю в Сибири, а также на территории Китая и китайских вотчин официально перечислимыми товарами. Продажа ряда таких предметов купцами-единоличниками запрещалась по политическим мотивам и из соображений государственной безопасности: среди них отметим огнестрельное оружие, порох и свинец. Их запретили продавать бухаритинам и прочим сибирским проживающим у границы народам императорским указом от 1693 года. Торговля или обмен золота, серебра и иностранных монет (ефимков, альбертус-талеров и иоакимсталеров) через сибирские границы тем же декретом тоже запрещались, и такой запрет оставался в силе на протяжении практически всего XVII и XVIII столетий. Наконец, сбыт нескольких категорий товара остался в ведении государства (или поручен частным монополистам), так как они считались особенно выгодными с точки зрения дохода предметами экспорта. Частный ввоз ревеня, пользовавшегося чрезвычайной популярностью в России и странах Европы как вяжущий препарат, наиболее ценные образцы которого поступали из Западного Китая, Монголии и с Тибета, запретили уже в 1657 году. Время от времени на ввоз и изготовление тонких шелков вводились ограничения, и особые права на них предоставлялись по особым указаниям в качестве великого одолжения, хотя власти России никогда не пользовались исключительным правом на изготовление или торговлю данной тонкой тканью. Торговля табаком считалась одной из самых старинных монополий петровской поры, предоставляемой частным лицам, притом что в XVIII веке такая монополия неоднократно запрещалась, а правом на сбыт табака пользовались все подряд.

Торговлю ценными и дорогими сибирскими мехами, кожами и шкурами, считавшимися с большим отрывом самыми важными предметами торговли с китайцами, Петр для частных лиц объявил вне закона. Эпизодические запреты на продажу конкретных видов мехов азиатским купцам, торговавшим в Московии, упоминаются еще с XVI века, но только с последнего десятилетия XVII столетия власти предприняли первую попытку ввести монополию на их сбыт. Сокращение предложения кож тонкой выделки наряду с огромными потенциальными прибылями подвигли царя Петра в 1693 году на введение запрета для частных лиц на вывоз в Китай и прочие страны соболей стоимостью больше 40 тысяч рублей и всей пушнины чернубурой лисицы. Наконец в 1706 году указом в адрес енисейского воеводы Богдана Даниловича Глебова сибирским сановникам напоминалось о запрете кому бы то ни было вести торговлю на территории китайских вотчин без императорской «грамоты», а также о том, что монополия на продажу сибирской пушнины тонкой выделки считается исключительным правом государства. Как и в случае с обозами на Пекин, государственная монополия на наиболее доходные предметы торговли вводилась умеренными темпами, но потребовалось совсем немного времени, чтобы искушение скорой и незатейливой корыстью подвигло двор царя московитов на то, чтобы полностью прибрать такую торговлю к собственным рукам.

Еще до обнародования правил в 1689 году 4 торговых обоза поступило в Пекин, а за последующие два десятка лет туда пришло дополнительно 10 таких обозов. По разрозненным и неполным сведениям из случайных источников, практически все они представляли собой крупные предприятия. Первый обоз, отправленный в соответствии с новыми правилами, нагрузили, судя по имеющимся данным, товаром, принадлежащим государству, на 31 тысячу рублей и товаром частных лиц на 26 тысяч. Официальный доход Государственного казначейства тогда составил целых 24 тысячи рублей. На следующий обоз набрали еще больше товара, прежде всего за счет купцов-единоличников, и он принес государству без малого в два раза больше дохода. Ко времени третьего такого предприятия (1702–1704) под руководством крупного купца Ивана Саватеева сложился «типовой» размер пекинского обоза на многие предстоящие десятилетия: суммарная стоимость государственных и частных товаров оценивалась в 223 320 рублей (по ценам Нерчинска), а сопровождал обоз отряд из 400 с лишним мужчин.

Размер дохода от обоза купца И. Саватеева остается загадкой, зато пятый обоз Петра Худякова в 1705–1709 годах официально принес прибыль в размере 270 тысяч рублей, считавшуюся непомерно крупной по тем временам.

Из 14 казенных обозов, отправленных в Пекин между 1689 и 1722 годами, практически все должны были принести в казну финансовую прибыль при условии учета исключительно непосредственных на них затрат за вычетом накладных расходов сибирского колониального аппарата. Главный экспортный товар – сибирские меха и кожи по большому счету добывались с минимальными на них затратами, а расходы в основном причитались на содержание весьма раздутого состава колониальной администрации Сибири. Если бы существовала возможность установления таких расходов, а она у нас отсутствует, с большой долей достоверности можно предположить, что доходы в русскую казну значительно увеличились через поощрение купцов-единоличников на занятие торговлей с Китаем как таковой с последующим начислением на них обычных таможенных пошлин, прочих сборов за использование государственных складов и т. д. Разумеется, при этом предполагалось, что государственные чиновники в Сибири добросовестно занимались бы пресечением всех незаконных и тайных перевозок товаров на территорию Маньчжурии. Но о таком их рвении остается только мечтать.

Сохранилась масса свидетельств того, что в петровские времена предприимчивые, но не дружащие с законом русские купцы переправили на территорию самого Китая и в его вотчины не меньше, если не больше товаров, чем это было сделано казенными обозами. В период между подписанием Нерчинского договора и прекращением китайцами торговли с Россией в 1722 году в Пекин направлялось два специальных посольства, состоящие из дипломатов и купцов. Первое посольство 1692–1695 годов возглавил опытнейший европейский торговец в России Эверт Избрант Идее, а второе – Лев Васильевич Измаилов (1719–1720). И это не считая 14 российских казенных обозов, которым дано высочайшее разрешение для прохода в Пекин. Тем не менее, когда русский посол Савва Лукич Владиславич-Рагузинский в 1726 году прибыл в Пекин, к своему большому удивлению он обнаружил, что маньчжуры уже приняли 50 «послов» и «посланников» из России. Другими словами, многочисленные купцы-единоличники понаехали в Пекин без дарованных царем полномочий, на свой страх и риск. Кое-кто из этих самозванцев приобрел паспорта, подписанные губернаторами и местными чиновниками Сибири, остальные, по всей вероятности, просто подделали верительные грамоты. Маньчжуры попросту не могли по-настоящему отличить официальные русские паспорта от умело изготовленных подделок.

С течением времени казенные обозы оказывались во все менее благоприятных условиях конкуренции с такими ловкими контрабандистами. Одной из проблем можно назвать потворство контрабандистам со стороны продажных чиновников, занимавшихся отправкой официальных обозов, а также сговор с таможенниками. Все они очень быстро сориентировались и осознали огромную личную выгоду от торговли пушниной в обход закона и взяток от контрабандистов, переправлявших свои товары официальными обозами, а также купцов, отправлявшихся в путь в одиночку. Некоторую часть таких чиновников арестовали; самым высокопоставленным среди них числится сибирский губернатор с 1710 по 1719 год князь Матвей Петрович Гагарин, и весь праведный гнев императора обрушился на него, в назидание другим. Он сам, его родственники и друзья сказочно обогатились на незаконном участии в торговле с китайцами. За что его в конечном счете отозвали в столицу, обвинили в воровстве, кумовстве, нерадивости, пытали и отправили на виселицу. Но огромное удаление от Санкт-Петербурга и изъязы в сибирской административной системе толкали тогдашних чиновников на продолжение попыток уклониться от добросовестного исполнения законов. В те времена и даже позже поступали постоянные жалобы на то, например, что целовальники (оценщики товара) обозов далеко не всегда давали справедливую оценку принадлежавшим государству пушным товарам.

Зачастую они значительно завышали их цены по сравнению с ценами на пушнину, принадлежащую купцам-единоличникам.

Еще больше поражает то, что многие сибирские и российские купцы вообще не посещали Пекин, а везли свои товары всего лишь до крупнейших маньчжурских и монгольских городов, таких как Наун и Утра, откуда уже китайские купцы доставляли их в северные китайские города. Купцы-единоличники могли, в конце-то концов, закупать шкуры на самых удобных для себя базарах и ярмарках Сибири. Потом за каких-нибудь 10–12 дней доставлять их в Утру, сбывать всю свою пушнину за два или три дня торгов и возвратиться домой. Таким манером у них получалось несколько деловых поездок за год. Обозы, с другой стороны, обычно задерживались в Пекине на время от трех до шести месяцев по причине замедленного процесса торгов. К тому же требовалось выполнять зыбкие обряды радушного приема гостей хозяевами. Скандинав Лоренц Ланг, состоявший на восточной службе у Петра Великого, в 1721 году подсчитал, что объем одной только торговли с Утрой за год в четыре-пять раз превышал объем торговли, которая велась посредством государственных обозов. К тому же всем понятно, что издержки на доставку товара в Пекин, особенно расходы на приобретение продовольствия и фуража, в несколько раз больше, чем на доставку его до Угры или Науна. Л. Ланг обратил внимание на то, что до налаживания торговли с посредниками в Угре китайские купцы, имевшие дело с русскими обозами, весьма разбогатели, но потом «торговали себе в убыток, и в настоящее время многие из них находятся на грани банкротства... С учетом всех этих обстоятельств не составит труда понять, что после закрытия счетов обоза прибыль в этот момент не может значительно превышать понесенных издержек».

Принятие решений властями Санкт-Петербурга, ответственными за торговлю с китайцами, осложнялось соображениями далекого от коммерции свойства. Если государственное вмешательство в обозную торговлю непосредственно до Пекина требовало ужесточения, а русских купцов-единоличников следовало осаживать и тщательно за ними следить, то для таких мер созрели все предпосылки. У сибирских административных и таможенных работников следовало воспитывать честность, чувство ответственности за порученное дело и добросовестное отношение к нему. Тех же самых качеств не хватало работникам, сопровождавшим обозы. Ради пресечения контрабанды не обойтись было без обозначения между русскими и китайскими владениями в Забайкальском крае границы, которую требовалось тщательно охранять, чтобы перехватывать (или обещать перехватить) контрабандные поставки. Всем было очень выгодно изгнание из Маньчжурии и Монголии купцов-единоличников. Практически уравнились бы условия функционирования купцов-единоличников и государственных обозов.

Большинство этих соображений следовало воплотить в жизнь, согласовав с властями обеих держав. Односторонние усилия можно было прилагать аккуратно и постепенно. И подавляющее большинство из них требовали привлечения обеими империями третьей, наиболее влиятельной в Восточной Азии силы – возрождающихся джунгар. Со смертью хана Галдана-Бошогту в 1697 году джунгары лишь на время, образно говоря, сложили крылья. Вооруженная борьба возобновилась в 1712 году, когда преемник Галдана по имени Цэван-Рабдан со своим войском осадил город Хами. Маньчжурские армии вернули этот город и закрепились в нем; хан Цэван-Рабдан направил свои происки в других направлениях, прежде всего в сторону Тибета. Император Канси высокомерно вызвал его, чтобы восстановить все права на земли, отобранные им у прочих князей джунгар, и с этой целью он распорядился созвать совещание, на которое отправлялся представитель Пекина. Согласиться на такие требования означало признание себя вассалом. Цэван-Рабдан их отверг, и схватка получила продолжение.

В России сохраняли видимость нейтралитета в схватке между маньчжурами и джунгарами, но в первой четверти XVIII века вмешательство русских в дела Джунгарии оказались гораздо более значительными. В 1698 году, например, русские власти предоставили выгодные торговые привилегии бухаретинцам, монгольскому племени, известному деловыми навыками

и предприимчивостью, которые выступали в некотором смысле коммерческими посредниками джунгар.

У тех из них, кто приехал в Сибирь торговать, потребовали платить в виде сбора только одну двадцатую часть вместо обычной десятины, а тех, кто прибыл по поручению Цэван-Рабдана, освобождали от всех податей полностью. Тем не менее русские чиновники избегали заключения открытого союза с джунгарами, как это наглядно видно на примере происшествия с торгутами на Волге.

В начале XVII столетия часть торгутов переселилась в область междуречья Волги и Дона. Несмотря на огромное расстояние, им удалось сохранить тесные связи со своими монгольскими братьями в Джунгарии. Главным связующим звеном служили смешанные браки между представителями правящих кланов торгутов и джунгар. Такая связь поддерживала одновременно среди русских и среди маньчжуров предчувствие того, что торгуты могут вернуться на родину и тем самым содействовать процессу развития ситуации в Средней Азии. Власти в Пекине к 1712 году отыскивали предлог для отправки к торгутам своего посольства, истинная цель которого состояла в том, чтобы усилить свое влияние на этих своих потенциальных союзников (или врагов). Руководство Лифаньюаня¹ потребовало прохода через Сибирь для этого посольства, везущего вождю торгутов хану Аюки письмо, касающееся его племянника, который из-за состояния войны в Джунгарии не мог вернуться с Тибета, куда отправился паломником, и попросил пристанища в Пекине. Сибирский губернатор князь М.П. Гагарин высказал предостережение в том смысле, что следует сорвать такую попытку, грозящую подвинуть торгутов на наступательные действия против джунгар, избежать участия в которых русские войска не смогут. В русском Правительствующем сенате решили это посольство пропустить, но обязали губернатора Казани разузнать его истинные намерения и, в случае необходимости, предостеречь хана Аюки от опрометчивых поступков. Автор повести о Тулишене, в которой содержится единственное дошедшее до нас изложение бесед между маньчжурами и торгутами, сообщает о том, что речь шла исключительно о положении сбившегося с пути племянника Аюки.

Отношения между Россией, Маньчжурией и Джунгарией еще больше осложнились в начале второго десятилетия XVIII века, когда в бассейне реки Тарим разразилась дикая золотая лихорадка. Ничем не обоснованные слухи о сказочных золотых приисках подвигли губернатора М.П. Гагарина в 1713 году посылать в Синин и Тапа тобольских бояр с поручением прояснить слухи о местных сокровищах. Первые результаты оказались обескураживающими. Но в скором времени туда отправили гораздо более крупную экспедицию в составе полутора тысяч человек. Руководил ею подполковник Иван Дмитриевич Бухгольц, о заслугах которого нам еще предстоит узнать. В 1717 году отряд прибыл в Яркенд, где старатели провели разведку залежей золота. Явную и непосредственную угрозу безопасности русских первопроходцев представляли воины Цэван-Рабдана, и М.П. Гагарин обещал этому монгольскому князю заметную помощь, если тот оградит его экспедицию от вмешательства в ее дела со стороны недоброжелателей. Но один из подданных Цэван-Рабдана осадил русский форт, заставил его гарнизон разрушить свой острог, построенный у поселка Ямышево, и вернуться в нижнее течение Иртыша. Уцелевшие незадачливые участники экспедиции в декабре 1716 года возвратились в Тобольск, а И.Д. Бухгольц отправился в Санкт-Петербург докладывать о причинах провала порученного ему предприятия.

Золотая лихорадка не спадала. На следующий год организовали новую экспедицию, а в 1719 году царь Петр I назначил генерала, которому поручил надзор за всеми геолого-разведочными работами. Цэван-Рабдан, потерпевший поражение от маньчжуров под Хами и во всех

¹ В западных письменных источниках Лифаньюань встречается для обозначения разнообразных ведомств: Управление по делам Монголии, Управление колоний, Суд по делам колоний и т. д.

остальных вооруженных стычках, ухватился за шанс возвращения русских воинских частей, отклонил китайское предложение стать их вассалом и отправил в Санкт-Петербург своего посланника, который в сентябре 1721 года предложил проход для русских разведчиков золотых месторождений в обмен на оборонительный союз против маньчжуров. Царь Петр поддался такому искушению. Он отправил Ивана Семеновича Унковского с предложением к князю о том, что Россия обязуется проявлять строгое отношение к Китаю и при необходимости демонстрировать военную силу. Цэван-Рабта-ну предстояло принять формальный вассалитет перед Россией и разрешить возведение дополнительных острогов в Джунгарии. Несмотря на постоянное пребывание у Цэвана, И.С. Унковскому за несколько лет так и не удалось навязать ему какого-либо обязывающего соглашения. После смерти в 1722 году императора Канси и предложения мира со стороны его преемника Юнчжэна потребность в российской поддержке у джунгар отпала. На протяжении последующих 30 лет между Россией и Джунгарией сложились дружеские отношения и велась обозная торговля.

И без того натянутые отношения, возникшие из-за неорганизованной российской торговли в самом Китае и на территории китайских данников, а также из-за запутанной ситуации в Джунгарии, осложнились по причине бегства местного населения из Средней Азии и Монголии в Сибирь. Дезертиры из маньчжурской и джунгарской армий толпами переходили на территорию Сибири и просили там для себя пристанища. Местные сибирские власти особого рвения в деле их принудительного возвращения на родину не проявляли не только из человеколюбия, но и в силу слабой заселенности Сибири, а также постоянной потребности в дополнительных источниках податей, налогов и новых рекрутов для войск. Часть таких «дезертиров», вероятно, не относилась к такой категории в прямом смысле этого слова, а представляла собой не более чем кочевых пастухов, странствующих в поисках плодородных земель и корма для скота. Маньчжуры тем не менее потребовали их возвращения, поскольку для них такие перебежчики были таким же источником податей, налогов и рекрутов. Проблема с переселенцами и кочевниками, так же как и с русскими купцами, не имела никакого решения в отсутствие соглашения об обозначенной и охраняемой границе между Монголией и Сибирью.

К 1719 году острота этих проблем в русско-китайских отношениях достигла опасного предела, и пекинский двор в июне того же года запретил въезд в столицу русского обоза под руководством Федора Степановича Истопникова. Непосредственной причиной отказа называлось то, что двор больше не хотел нести обременительные расходы по обслуживанию обозов. Всего лишь за месяц до описываемых событий царь Петр назначил посланником в Пекин капитана Преображенского полка молодого выдающегося дипломата Льва Васильевича Измайлова. Миссией Л.В. Измайлова, как и миссией Э.И. Идеса в 1690-х годах, решались прежде всего деловые проблемы. Его главная задача состояла в том, чтобы попытаться «открыть» все внутренние районы Китая для российской торговли. Ему предстояло «продать» увеличение объема торговли и количества обозов, которым разрешен вход в Пекин. Величайшие надежды возлагались на то, что пекинский двор удастся убедить в целесообразности для него предоставления полной свободы торговли русским купцам на всей территории Китая, означающей неограниченное число торговцев, приобретающих оптом китайские материальные ценности, беспошлинный их вывоз за рубеж, а также беспошлинный сбыт российских товаров. Ради оказания данным купцам дипломатической помощи в Пекине должен появиться постоянный российский торговый посредник или консул с собственными представителями в провинциях, а также намечалось формирование торгового трибунала для урегулирования разногласий, возникающими между купцами этих двух стран. В обмен на такие уступки в Санкт-Петербурге обещали предоставить китайцам точно такие же права на торговлю в Сибири и России. Чтобы снять опасения маньчжуров относительно российской политики в Джунгарии, Л.В. Измайлову поручили заверить их в том, что русские остроги вдоль Иртыша представляют собой всего

лишь опорные пункты для устрашения джунгар, а не плацдармы планируемых наступательных действий против маньчжурских войск.

Юлий Генрих фон Клапрот утверждал, будто Л.В. Измайлов со своими соратниками произвел на власти в Пекине *un heureux effet* (благоприятное впечатление), но поставленную перед ним задачу провалил. Обозу под руководством Ф.С. Истопникова разрешили пройти на территорию Китая, однако на его основное предложение открыть для русских купцов Поднебесную поступил категорический отказ. Усилия посольства Л.В. Измайлова кое-как оправдывали его мелкие достижения. Удалось согласовать систему обозначения с помощью печатей официальных обозов для выявления контрабандистов. Лоренцу Лангу, сопровождавшему

Л.В. Измайлова в качестве первого секретаря, разрешили временно остаться в Пекине, но не наделили его полномочиями официально признанного консула, а только поручили заниматься делами обозов в случае каких-либо недоразумений. И впредь русским купцам, прибывающим с обозами, вменялось в обязанность лично отвечать за все понесенные затраты и взыскивать любые долги с китайских купцов, заключивших с ними деловые соглашения. Л.В. Измайлов отбыл на родину 2 марта 1721 года, оставив Л. Ланга заниматься делами их обоза. Как нам представляется, отказ китайцев от выгодного для них расширения торговли с Россией можно связать с более глубокими несогласованными различиями во взглядах, воплотившимися для них в отказе сибирских пограничных властей возратить в Монголию приблизительно 700 местных переселенцев, покинувших родину в 1720 году. Разногласий меньше не стало, если только они вообще не размножились.

Поначалу успешному с точки зрения сбыта привезенного товара обозу Ф.С. Истопникова стали строить все более многочисленные козни в беспрепятственной торговле. Его без того неблагоприятная ситуация усугубилась еще на пути в Пекин, когда у его директора возникла нехватка свободных денежных средств на приобретение «предметов первой необходимости для снабжения обозников». Он попросил через Л. Ланга, ушедшего вперед, у маньчжурского двора ссуду в размере 2 тысяч лян (приблизительно 2600 рублей) под обещание возместить ее в скором времени после начала меновой торговли. Преодолев многочисленные препоны, Л. Лангу удалось отправить ему, когда обоз уже находился у ворот Калгана, около полутора тысяч лян.

Русские обозники сообщили, что склады, предоставленные их купцам, находятся в удручающе неудовлетворительном состоянии, а смотритель (цзянду) русского постоянного двора (Элосы гуаня, или Русского дома) пропускает мимо ушей их просьбы отремонтировать протекающие крыши или разрешить самим обозникам заняться этим незатейливым делом. Многие товары из России пришлось оставить под открытым небом во дворе, и из-за сезонных дождей они практически пришли в негодность. А еще прибыли четыре китайских чиновника, потребовавшие полный список российских товаров, из которых они собирались выбрать самые достойные изделия для своего императора. Для русских купцов их требования выглядели прозрачным оправданием намерения прибывших китайцев, рассчитывавших приобрести для себя лично самые выгодные товары по бросовой цене (по 3 лян за пару соболей, например, которые на самом деле стоили 20–30 рублей штука).

Невзирая на то что данный обоз прибыл в Пекин 29 сентября 1721 года, из-за всевозможных проволочек торговлю как таковую удалось начать через два с лишним месяца, и тогда же появились китайские чиновники, назначенные надзирателями над действиями обозников. Они же установили небольшой сбор для всех китайских купцов, участвовавших в торгах. Корейских купцов просто отравили восвоей. Русским гостям к тому же стало известно, что министры уговорили императора Канси выбросить на свободный рынок шкурки соболей, хранившихся в императорской сокровищнице, под тем предлогом, что их накопилось настолько много, что они могут испортиться. Появилось объявление о том, что предлагается приобрести 20 тысяч

шкурки амурского соболя по вполне доступной цене. В результате многие китайские купцы покинули русскую ярмарку. Цены на без того вялом рынке поползли вниз.

Наконец 8 мая 1722 года, когда русские купцы еще не успели сбыть весь привезенный с собой товар, Л. Ланг получил сообщение от придворных вельмож о том, что ни одного русского купца в Пекин больше не пустят до тех пор, пока не удастся найти решение проблем, возникших из-за отсутствия точной демаркации границы Монголии с Сибирью. Сюда же китайцы присовокупили требование вернуть монгольских переселенцев, обосновавшихся на территории России, на их родину. Русские власти своей политикой нарушали «невозмутимое спокойствие» императора Канси. Совсем скоро (17 июля) обоз Ф.С. Истопникова отбыл в обратный путь, а Л. Ланг отправился сопровождать влиятельного министра Тулишена (Тулисена) в путешествии на границу, где тому предстояло познакомиться с ситуацией, в которой находились переселенцы. Впервые с момента заключения Нерчинского договора Пекин закрывался для русских купцов. Если в Санкт-Петербурге хотели продолжать торговлю с Китаем, следующий ход был за ними. И если верить тогдашнему французскому посланнику в российской столице, прекращение торговли с китайцами должно было проявиться самым пагубным образом, так как на протяжении нескольких лет многие офицеры армии и флота, а также чиновники в различных коллегиях получали свое содержание в форме прекрасных китайских шелков.

В конце 1710-х годов царь Петр I приступил к содействию серии «меркантилистских мер», нацеленных среди прочего на поощрение частного предпринимательства (в определенных рамках) и ослабление ограничений во внутренней и внешней торговле. В апреле 1719 года, например, его указом провозглашалась свобода торговли во внутренних районах Сибири всеми товарами, кроме дегтя, поташа, а также соболиных и других мехов. Такие меры в сфере торговли послужили отражением представления о том, что внешняя торговля представляла чрезвычайную важность в решении задачи содействия развитию скромной еще фабричной системы в России через стимулирование притока в страну золотых слитков, вывоза за рубеж сырья и отправки за границу изготовленных в России готовых товаров, хотя в вывозе готовых товаров царь Петр особого смысла не видел. Тем не менее петровская политика обеспечила ослабление неисчислимых и непреодолимых ограничений на частную внешнюю торговлю. Единственным критерием выбора между двумя упомянутыми направлениями государственной политики (или установления между ними равновесия) считалась конечная выгода государства, то есть степень, в которой та или иная политика приносила пользу укреплению промышленной базы, необходимой для поддержания военной мощи империи Петра Великого, стабильности валюты и платежеспособности казначейства. История торговли Санкт-Петербурга с Пекином во второй четверти XVIII столетия, как нам предстоит в этом убедиться, в большой степени представляет собой повествование о выборе между государственными и частными интересами, а также о споре, вызванном таким выбором.

В частности, русскому двору остро требовалось принять ряд четких решений относительно торговли с китайцами, хотя до 1727 года не просматривается ни малейшего намека на его готовность принять такие решения. Варианты выбора, открытые для русского двора, можно представить себе в виде конкретного случая проблем, унаследованных от «меркантилистских мер» царя Петра. Например, вельможам двора предстояло продолжить внедрять меры по либерализации торговли, предоставлению дополнительных монополизированных товаров в сферу частной торговли, а также, поскольку речь идет о торговле с китайцами, отменить все государственные обозы на Пекин. И все это ради того, чтобы содействовать образованию частной компании или нескольких компаний для передачи им на откуп монополии на торговлю с Поднебесной. Ничего нового в таком предложении не наблюдается. Петр I еще в 1711 году выступал с инициативой по передаче права на торговлю с китайцами (в то время означавшую право на торговлю в Пекине) «толковой компании». Альтернативный вариант заключался в оживлении торговли путем казенных обозов через ужесточение ее условий. В таком случае

было не обойтись без отстранения полностью или хотя бы частично купцов-единоличников от торговли с китайцами в Пекине и по большому счету в остальных городах Китая, где с недавнего времени наладилась меновая торговля. Причем между двумя этими крайними вариантами просматривалась возможность некоторого компромисса. Ни один из этих вариантов не исключался своеобразным понятием «меркантилизма», представленным в указах последних лет правления Петра Великого, если только в конкретной идеологической доктрине не упоминался тот же «меркантилизм». Сомнительный опыт пекинских обозов, стремительно растущий объем частной торговли одновременно в Пекине и в других китайских городах, постоянные трудности в общении с китайцами в Пекине, а теперь еще прекращение китайцами торговли потребовали приложения определенных усилий для вывода торговли на новый уровень или укрепления существующей.

Однако никакого решения относительно торговли с Китаем, каким бы прекрасно обоснованным для текущей экономической доктрины оно ни казалось, власти в Санкт-Петербурге принять не могли без согласования его с остальными далекими от экономики проблемами в отношениях с китайцами, которые требовалось безотлагательно обсудить и уладить к взаимному удовлетворению обеих сторон, иначе перспектив восстановления торговых отношений не просматривалось. Границу между Монголией и Сибирью требовалось обозначить и закрыть для пересечения ее без официального разрешения, чтобы ограничить нелегальное переселение народов и решить проблему миграции, чтобы покончить с джунгарским шумным скандалом и обуздать русских купцов-единоличников. Без выполнения всех перечисленных сложных задач совершенно определенно в Пекине не пошли бы на возобновление торговли русских купцов в пределах своих городских стен, да и вряд ли бы они позволили русским купцам-единоличникам по-прежнему посещать Наун и Утру. И ни одну из этих щекотливых проблем нельзя было устранить без того, чтобы через соглашение с китайцами не создать более утонченную и надежную административную структуру в Сибири. Государственная монополия с регулированием деятельности купцов-единоличников могла принести нужные плоды только за счет увеличения штата государственной администрации, расширения ее полномочий и принуждения чиновников к плодотворному труду на благо империи. Другими словами, на уровне, на котором фактически велась торговля, решения относительно ее организации принимались и должны были приниматься с учетом реальных и конкретных обстоятельств. Обстоятельств, определявшихся многочисленными факторами, далекими от экономики и финансов, а также практически всего того, что мы обычно называем экономической доктриной или идеологией.

Российская политика по отношению к Китаю и торговле с этой страной начала проясняться к середине 1722 года. Тогда как раз наметился сдвиг в сторону уклонения от враждебных проявлений по проблемам, упомянутым выше, и поощрения переговоров с китайским руководством. Из Санкт-Петербурга поступили указания по поводу того, чтобы сибирские чиновники неукоснительно выполняли положения Нерчинского договора, особенно те его положения, что касались обращения с перебежчиками – нарушителями границы. Наконец в январе 1724 года Лоренц Ланг и его коллега Иван Глазунов при поддержке полковника И.Д. Бухгольца с 2 тысячами войск под его командованием получили указание на попытку переговоров с маньчжурами. Не дожидаясь успеха данного предприятия, вместо Л. Ланга назначили еще одного дипломата-купца, пользовавшегося высокой репутацией и обладавшего выдающимися навыками работы. 11 августа 1725 года Савва Лукич Владиславич-Рагузинский получил предписание в качестве чрезвычайного и полномочного посла России в Китае. И ему поставили задачу обсудить с маньчжурами весь спектр спорных вопросов. Результаты первых встреч Л. Ланга с китайскими представителями поселили в его душе надежду на возможное разрешение разногласий мирным путем. Члены Правительствующего сената ухватились за такую надежду и отправили в Китай одного из самых опытных, искусных и изворотливых специалистов России по переговорам с иностранцами.

Глава 2

Кяхтинский договор

В марте 1727 граф Иллирийский Савва Лукич Владиславич-Рагузинский в сопровождении посольской свиты из 15 человек закончил путешествие по бурной и коварной реке Ангаре и прибыл в город Иркутск. Путь из Санкт-Петербурга до места назначения занял пять месяцев, и этому вельможе, которому было уже около 60 лет, он дался нелегко. Зато в Иркутске, считавшемся самым крупным и по всем меркам самым культурным городом Восточной Сибири, Савва Лукич мог позволить себе несколько дней передышки, чтобы на досуге отдался воспоминаниям о своих захватывающих приключениях, во множестве выпавших на его долю.

Савва Владиславич Рагузинский принадлежал к знатному сербскому роду и со временем поднялся до положения доверенного человека и любимого купца самого императора Петра Великого, выбранного им для проведения переговоров о заключении нового договора с тогдашними изворотливыми маньчжурскими правителями Китая. Предаваясь заслуженному покою в одном из удобных деревянных домов Иркутска после превосходного ужина, состоявшего из байкальского осетра, он вспомнил о легендах, посвященных турецким грабежам на его родине и их ненасытным требованиям податей. Припоминались подробности «бегства» его семьи в Венецию и Рагузу (Дубровник), а также его молодые годы в качестве купца, промышленявшего в Восточном Средиземноморье и Константинополе, когда ему впервые пришла на ум мысль поступить на службу в России. В апреле 1703 года Савва прибыл в Москву в расчете наладить торговые связи между данным городом и Азовом. Царь

Петр Алексеевич с его светлым умом сразу же разглядел в молодом предприимчивом человеке ценность для Русского государства с точки зрения воплощения в жизнь устремлений монарха на укрепление политического и делового влияния в южном направлении, и особенно на Балканах. Редкие способности новоиспеченного фаворита царь подкрепил представлением Савве Владиславичу целого ряда особых торговых привилегий, передачей в пользование прекрасного имения в Москве, раньше принадлежавшего семье Нарышкина, наделов земли в Малороссии, наделил его придворным титулом надворного советника, стоящего в петровской Табели о рангах на седьмом месте. За такие щедроты Савва Лукич отплатил русскому двору, во-первых, верной службой Петру I во время Прутской кампании в качестве советника по использованию ненависти к туркам со стороны балканских народов, представителей которых лазутчики Петра Алексеевича настраивали на восстание против Османской империи. Чуть позже С.Л. Владиславич-Рагузинский провел несколько лет в Рагузе, Венеции и Риме, где выполнял деликатные и сложные поручения на благо России. Римская его миссия прежде всего заключалась в снятии запрета на вывоз несколько мраморных статуй работы мастера Пьетро Баратты, поднесенных в дар России папой римским Климентом XI, но задержанных на таможенных местными римскими властями. В конечном счете ему пришлось вести переговоры по всему спектру проблемы по предоставлению римским священнослужителям свободы проповедования и просветительской деятельности на территории России, а также их транзита через нее на Восток.

Мудрый русский царь принял оправдавшее себя решение, когда выбрал С.Л. Владиславич-Рагузинского на роль представителя Санкт-Петербурга на переговорах с официальным Пекином. Этот выходец из Герцеговины уже зарекомендовал себя исключительно успешным купцом, а также давно познакомился с искусством функционирования в рамках государственных торговых и промышленных монополий России. Он прекрасно понимал, что установившаяся монополия на определенные торговые маршруты или предметы сбыта способна принести огромную прибыль в царскую казну, частному предпринимателю или вкладчику в импера-

торскую монополию при том условии конечно же, что государственные чиновники обеспечат такой монополии высокую отдачу через пресечение деятельности контрабандистов или их повсеместное уголовное преследование. Правильность его понимания проблемы наглядно подтвердилась советами, предоставленными государственным чиновникам в последующие годы по налаживанию торговли с китайцами и прочим коммерческим вопросам. К тому же его политический и дипломатический опыт, приобретенный в Константинополе, Риме и на Балканах, послужил основой для решения трудной и деликатной задачи ведения дел с тогдашними китайцами, о национальном характере которых русские чиновники знали совсем мало. Чтобы как-то восполнить серьезный изъян в его в целом высокой квалификации, заключавшийся в полном отсутствии опыта участия в азиатских делах, С.Л. Владиславич-Рагузинскому в свиту назначили несколько самых толковых и осведомленных из всех имевшихся тогда в Российской империи специалистов-китаеведов. Самым полезным из них, как потом обнаружилось, проявил себя Лаврентий (Лоренц) Ланг.

Л. Ланг, считающийся выходцем из неуточненной скандинавской страны, а также приемным сыном шотландского врача, долгое время проживавшего в России, находился в Пекине с перерывами в общей сложности на протяжении 10 лет в качестве официального представителя российских казенных обозов. К сожалению, нам совсем немного известно о происхождении, личной жизни и умонастроениях этого талантливого человека. Со временем, как нам еще предстоит узнать, он поднялся до поста вице-губернатора Иркутска и звания государственного советника, а также, судя по данным из одного донесения, служил при посольстве в Константинополе. Зато бесспорной остается та истина, что на службе у русского царя не находится ни одного чиновника, будь то местного или иноземного происхождения, кто знал бы Пекин или китайцев лучше, чем этот «швед». Имея богатый опыт деятельности в торговой сфере, он особенно подходил для роли советника по выполнению фундаментальной задачи данного посольства, состоявшей в восстановлении торговли между двумя империями. Следует упомянуть о том, что приблизительно за полтора года до назначения С.Л. Владиславич-Рагузинского послом Петр Великий через свой Сенат образовал комиссию по обустройству китайской границы, задачей которой ставилось урегулирование существовавших тогда споров. Л. Лангу поручалось возглавить эту комиссию и провести переговоры с китайскими представителями по предоставлению прохода задержанным обозам, а также обсудить вопросы обозначения границы. Для охраны границы недавно возвратившийся на службу в Сибирь подполковник Иван Дмитриевич Бухгольц должен был принять командование над тысячей человек регулярной гарнизонной кавалерии и тысячей человек пехоты.

Ни Лангу, ни Бухгольцу абсолютных полномочий не делегировалось: все требования китайцев они обязаны были согласовывать с Иностранной коллегией, откуда поступали окончательные решения. Года не прошло, как было принято решение назначить в Китай полномочного представителя России, и к 3 марта 1725 года Л. Лангу прислали указ с требованием к нему донести такое решение до китайского двора. По-видимому, решение российского Сената послать в Пекин более многочисленную делегацию и назначить ее руководителем С.Л. Владиславич-Рагузинского стало ответом на донесение Л. Ланга от июля 1724 года. В нем он сообщал в Санкт-Петербург о прибытии на границу двух китайских министров, объявивших о миролюбивых намерениях нового китайского императора (династии маньчжуров) Юнчжэна и о его желании навести порядок на границе своей империи.

О сотрудниках тогдашнего русского посольства, за исключением С.Л. Владиславич-Рагузинского и Л. Ланга, известно совсем мало, и нам остается только назвать их имена. По сравнению с изначальными распоряжениями от июля 1725 года и списками на пересечение границы в августе следующего года персональный состав посольства претерпел существенные изменения. О военном начальнике полковнике И.Д. Бухгольце мы знаем только то, что он какое-то время служил в Сибири и имел некоторое представление о местных условиях. А при посоль-

стве он командовал отрядом по обеспечению безопасности численностью 1300 человек пехоты и сотня драгунов. Такая важная задача, как топографическая съемка границы между Сибирью и Монголией, а также общая ее топографическая привязка поручалась некоему Степану Андреевичу Колычеву, занимавшему должность стольника и по совместительству главного составителя прошений (рекетмейстера) в Сенате. Изначально в посольство назначили еще двух геодезистов, но оба – и коллега С.А. Колычева, и его преемник – умерли, так что Степану Андреевичу пришлось справляться с поставленной задачей в одиночку. Но к ней он прекрасно подготовился во время предыдущей экспедиции по межеванию границ между Польшей и Турцией.

В составе посольства были, разумеется, секретари под руководством Ивана Глазунова и переводчик, а также два студента из отделения иностранных языков Московской славяно-греко-латинской академии, которым предстояло овладевать китайским и маньчжурским языками. В помощь С.А. Колычеву выделили двух землемеров для ведения топографической съемки. Вопросами религиозного утешения занимались епископ Иннокентий Кульчицкий и еще два священнослужителя. Иноземный лекарь взял на себя заботу о земных недугах участников предприятия. В общем и целом около сотни участников дипломатической миссии сопровождали порядка 1400 военнослужащих.

Посольское задание

Настолько крупное и затратное (Коэн определил полные издержки в сотни тысяч рублей) предприятие должно было преследовать существенные цели. В изначальных указаниях, полученных Саввой Лукичом 5 июля 1725 года с исправлениями и дополнениями в следующие месяцы, а также в полной свободе действий посла просматривается намерение российского Сената поручить ему переговоры и принятие решений прямо на месте в силу складывающихся обстоятельств. С.Л. Владиславич-Рагузинского назначили чрезвычайным и полномочным посланником (чрезвычайным послом и полномочным министром). Поэтому в рамках таких расширенных и оттого в известной степени неопределенных полномочий, возложенных на него, он пользовался всей полной власти для ведения переговоров непосредственно от лица российского правительства, а также мог требовать от сибирских чиновников практически любые средства для удовлетворения нужд своего посольства. Предлогом для его предприятия считалась передача поздравления новому китайскому императору, представителю Маньчжурской династии по имени Юнчжэн, а также сообщения о вступлении на престол вдовы Петра Великого – Екатерины I. На приобретение подарков для нового китайского императора ассигновалась сумма в размере 10 тысяч рублей. Еще 3 тысячи рублей предназначались на покупку подарков для высокопоставленных министров и персон, «проявляющих доброжелательность» к российскому посольству.

Основная задача С.Л. Владиславич-Рагузинского, на благо решения которой были направлены все остальные поручения, лежала в плоскости коммерции. От него требовалось восстановить обозную торговлю, а для этого предстояло наладить деловые отношения, на основе которых появлялась бы возможность подтвердить русскую государственную монополию или, по крайней мере, государственный контроль над данной, крайне ценной для государства деятельностью. Исходные инструкции содержали задание составить новое коммерческое соглашение с маньчжурами или как минимум возобновить прерванную торговлю. Казенные обозы должны были снова отправиться на Пекин, предпочтительно без уплаты каких-либо пошлин и сборов. А если удастся, то и получить соответствующее одобрение на назначение постоянного торгового представителя (консула или агента) в Пекине, под которым конечно же подразумевался Л. Ланг. Ради такого дела разрешалось использовать буквально все средства, в том числе привлечение на свою сторону советников-иезуитов, находившихся на службе у Юнчжэна. При этом разрешалось не скупиться на обещание им привилегий в виде свободной передачи почтовых отправок через территорию России, которой они давно добивались, и беспрепятственного передвижения по Сибири. Следовало также добиваться от китайских властей разрешения свободно торговать по всей территории Китая, хотя перспективы такого предприятия, разумеется, были непредсказуемы. Савве Лукичу приказали без огласки собирать самую разнообразную информацию делового характера. В частности, сравнительные преимущества нескольких маршрутов и способы транспортировки товара через Сибирь; масштабы китайской торговли с западноевропейскими купцами в Кантоне, в том числе номенклатуру обменного товара и его цены, издержки на транспортировку товара от Кантона до Пекина (чрезвычайно важный фактор в соперничестве русских купцов с конкурентами в Кантоне), меры веса и деньги, имеющие хождение в Китае, а также характер китайской торговли с Японией. С.Л. Владиславич-Рагузинского предупредили о том, что он может договариваться как угодно, но условия двусторонней торговли должны быть максимально свободными от условностей, и, если маньчжуры настоят на таможенных пошлинах, их ставки должны быть меньше тех, что существовали прежде.

Определению, привязке и обозначению границы на самом деле отводилось только второе место среди приоритетов в русском видении положения вещей. С.Л. Владиславич-Рагузинскому приказали всячески откладывать определение границы на отдаленное будущее. Если

же маньчжуры начнут настаивать на обозначении спорной границы к западу от реки Аргунь, Савве Лукичу предлагалось идти на уступки в интересах продвижения по самому главному вопросу – налаживанию торговли. Ни при каких обстоятельствах ему не разрешалось уступать китайцам территории Забайкалья, Удинска, Селенгинска, Нерчинска или земли, примыкающие к Иртышу на западе. Никакие ценные земли, особенно недра которых содержали золотые или серебряные копи, а также имели потенциальную ценность с военной точки зрения, уступке не подлежали. Фактическое обозначение границ делегировалось участникам будущей совместной русско-китайской комиссии. Ради укрепления российской позиции в этом деле следовало составить подробную карту, причем прямо на границе, ведь уже существовала точная съемка той местности. Расстроенный до глубины души первыми картами, составленными назначенным сибирским генерал-губернатором иркутским топографом Петром Скобельцыным (тот нанес одну только реку Аргунь), Владиславич-Рагузинский распорядился изготовить для него вторую карту, составленную тем же Скобельцыным и еще тремя топографами, которых послали в экспедицию на границу весной 1726 года. Эти четыре специалиста произвели съемку и нанесли на карту практически не известной никому монгольской границы, области верховий Енисея, нижнего бассейна Селенги и верхние притоки Амура, а также известную границу вплоть до самого океана. Им поручили обратить особое внимание на картографирование любых буддистских памятных знаков, способных послужить подтверждением притязаний китайцев на земли в Забайкалье, которые русские чиновники намеревались категорически отвергнуть.

Третью по важности проблему составляли переселенцы, прежде всего джунгары и представители прочих монгольских племен, бежавшие в Сибирь от призыва в китайскую армию или из-за притеснений со стороны местных властей. Участников переговоров с китайской стороны предстояло убедить в самых добрых намерениях со стороны России. Русскому послу рекомендовали обратить внимание китайцев на петровский указ от 22 июля 1722 года, в соответствии с которым нарушителей границы требовалось возвращать на территорию китайских владений, на распоряжения Ф. Фефилова по поводу экстрадиции 84 подданных китайского императора, а также на возвращение их на родину Л. Лангом в августе 1724 года. В Коллегии иностранных дел и в Сенате России явно отдавали себе отчет в том, что данная проблема, безусловно, выглядела самой важной в представлении маньчжуров. Информация об этом поступала в неисчислимом количестве донесений от Л. Ланга и других чиновников, служивших на границе. Распространение маньчжурской военной мощи и политического влияния на территорию Монголии и Джунгарии существенно затруднялось без закрытия государственной границы и безотлагательной выдачи китайским властям их переселенцев. Беженцев, уже обосновавшихся на территории России, возвращать на родину по возможности не намечалось, хотя этому последнему пункту Владиславич-Рагузинскому разрешалось дать согласие, если бы возникала угроза возобновлению торговых отношений.

Ради устранения извечно щекотливой протокольной несурязицы в переписке с китайцами С.Л. Владиславич-Рагузинскому предписывалось разработать некую схему равноправия. Посредством такой схемы государственным ведомствам и чиновникам относительно одинакового разряда и положения в государстве обеспечивалась бы возможность обмениваться корреспонденцией по всем актуальным проблемам. Инструкции его руководства по данной теме выглядят нарочито свободными, он мог вести переговоры относительно заключения любого возможного временного соглашения.

И наконец, посольству предписывалось содействовать проникновению в Пекин, в случае необходимости без огласки, епископа Переяславского Иннокентия Кульчицкого и получить для него (или, по крайней мере, для нескольких простых священников) разрешение на проживание в этом городе для продолжения приходской службы среди русских людей и потомков русских переселенцев в Пекине. Такие попытки предпринимались с XVII столетия. К тому же

следовало организовать его пасторские поездки по провинциям. Иначе говоря, предусматривалось на самом скромном уровне проповедовать христианство. Епископ Иннокентий ждал такой поездки со своей немногочисленной свитой, состоявшей из двух священников, двух диаконов и троих светских слуг, в Селенгинске и Иркутске с середины 1722 года, но пекинские чиновники не давали ему разрешения пересечь границу до урегулирования всех спорных вопросов. Если бы такая забота о духовном благополучии православной паствы в Пекине показалась китайцам неубедительной, прикомандированного епископа пришлось бы оставить на границе (в конечном счете его там оставили и по требованию С.Л. Владиславич-Рагузинского от 31 августа 1726 года заменили младшим по званию архимандритом Антонием Платковским). А на переговорах минимальным требованием прозвучало выделение клочка земли в Пекине под строительство храма, расходы на которое оплачивали в Санкт-Петербурге. Кроме того, двум русским студентам должны были дать разрешение на изучение в Пекине китайского и маньчжурского языков.

В посольских инструкциях в целом содержалось очень мало нового. Многие его главы, в частности в разделе с распоряжениями торгового ведомства (Коммерц-коллегии), практически повторяли указания, полученные еще Л.В. Измайловым. Существенные дополнения касались только двух положений: определение общей границы и договоренности по поводу возвращения на родину переселенцев. Эти дополнения приобрели большое значение и для китайцев оказались вопросами высших государственных соображений. Как уже указывалось выше, пекинские власти переживали по поводу отсутствия порядка в торговой сфере их столицы и в провинциях, но еще больше их беспокоил главный вопрос – контроль над Средней Азией. Чиновники Правительствующего сената и Коллегии иностранных дел весьма разумно расширили полномочия посла и дополнили инструкции, переданные еще Л.В. Измайлову, иначе восстановить вождеденную торговлю с Востоком вряд ли бы удалось.

Подготовительные мероприятия и сами переговоры

С конца весны и на протяжении всех летних месяцев 1726 года посол С.Л. Владиславич-Рагузинский имел возможность убедиться в том, что подробные распоряжения из Санкт-Петербурга далеко не всегда трансформируются в толковые и разумные действия на территории, расположенной в 2 тысячах миль восточнее столицы империи. Мало того, что он считал целесообразным требовать замены епископа Кульчицкого и абсолютно новой топографической съемки с картами, множество требующих разрешения других проблем, как пустяковых, так и более значительных, стремительно наваливалось на него одна за другой. Спустя два месяца после прибытия ему сообщили о смерти купца Степана Михайловича Третьякова, служившего директором казенного обоза, остановленного с 1724 года на Стрелке реки Чикой. На место вышедшего директора обоза Савва Лукич подобрал главного целовальника того же обоза оценщика Дмитрия Молокова. Однако от китайцев поступило предупреждение о том, что никакие русские обозы, ни казенные, ни частные, не допустят до самого Пекина, пока не начнутся переговоры по сохраняющимся разногласиям, а разрешат доехать только до Угры, где можно будет организовать торги. Причем китайцы обещали пропускать не более 300 подвод с товаром в год.

С.Л. Владиславич-Рагузинский огорчился, так как рассчитывал на организацию безотлагательной отправки готового обоза, а теперь сами китайцы предупредили его о том, что они не собираются заключать договор любой ценой. Еще в мае Владиславич-Рагузинский сообщил из Иркутска, что, по его разумению, на тот момент китайский двор «не проявлял большой склонности к восстановлению торговли и душевной переписки с российской империей». Настроения при этом дворе не изменятся, по крайней мере до тех пор, пока не уладятся проблемы с переселенцами и хищением домашнего скота через границу, причем уладятся на китайских условиях. К тому же Л. Ланг и прочие российские чиновники, служившие на границе, разъяснили ему, что какое-либо взаимоприемлемое решение вопроса переселенцев «дастся с большим трудом». Так Савва Лукич и доложил в Коллегию иностранных дел.

Предчувствия по поводу предстоящих тяжелых времен были небезосновательны, а тут сибирский генерал-губернатор М.В. Долгорукий доложил в Санкт-Петербург о сосредоточении китайских войск для очередного массированного удара по позициям джунгарского контайши. Угроза такой военной подготовки для слабых и обветшалых русских фортов вдоль границы выглядела вполне очевидной: Владиславич-Рагузинский доложил, что форты Нерчинска, Удинска и Селенгинска находятся в плачевном состоянии, а поставки артиллерии и боеприпасов к ней пребывают в полном беспорядке. Мало того, что эти примитивные фортификационные сооружения слабо защищали гарнизоны не только от нападения монгольских или китайских регулярных войск, но даже и от вооруженного ополчения. Они вообще утратили способность толково противостоять воровству и прочим формам жульничества, которые практиковали купцы, организовавшие в окрестностях свои торги. Охрану границы требовалось укреплять, поэтому Савва Лукич воспользовался предоставленными ему широкими особыми полномочиями и приказал местному губернатору отремонтировать обветшалые форты. Когда средств от местных подушных податей не хватало, приходилось взывать к совести солдат, служилого люда, уголовников, а также простых жителей или просто принуждать их к выполнению ремонтных работ. В августе 1726 года Владиславич-Рагузинский наконец-то поднялся в верховья Селенги к границе, оглядел неудачное положение на местности важного форта Селенгинска и потребовал его построить заново на той же реке, но в выбранном им самим месте. Он указал новое место на «столбовой дороге», где река выглядела более полноводной. Императорским указом от 30 декабря 1726 года утверждалось требование посла, и в нем содержался приказ на использование солдат под командованием полковника И.Д. Бухгольца на фортификационных работах. Военной коллегии предписывалось им в помощь незамедлительно откомандировать

на место инженера и артиллерийского офицера. На этот раз намечалось возвести капитальный форт из камня и земли; время поджимало, а обстановка не позволяла его тратить на сооружение примитивных и удручающе мелких пограничных острогов.

Владиславич-Рагузинский, не задерживаясь, проехал через Селенгинск, поднялся по реке к небольшому поселению под названием Стрелка на реке Чикой, где остановился в ожидании обоза Д. Молокова. (Он обнаружил, что этот городок тоже находился в плачевном состоянии.) Требовалось предпринять еще одно усилие, чтобы получить разрешение на выдвигание обоза его сопровождения; из Селенгинска он выслал к границе помощника – капитана Миклашевского для встречи с китайскими чиновниками, которые должны были сопроводить этого русского офицера в Пекин. Капитану поручили сообщить о скором прибытии русского посла. Владиславич-Рагузинский поспешил на очередную встречу, и в очередной раз его ждало разочарование. Первое знакомство состоялось на берегу маленькой речки Бур 25 августа. Китайцы повторили полученное ими предписание запретить проход торгового обоза в Пекин, ввиду отсутствия специального пропуска из китайской столицы. Выбора не оставалось: посольству предстояло отправиться в путь без обоза. Через неделю с небольшим Владиславич-Рагузинский во главе своего посольства из 120 человек под охраной вооруженного отряда из 1400 человек личного состава под командованием полковника И.Д. Бухгольца ступил на монгольскую территорию. Наконец-то для них начинались большие приключения.

Владиславич-Рагузинский еще до встречи с китайцами исходил из того, что обоз Д. Молокова задержится на неопределенное время, поэтому на Стрелке он приказал вернуть его в Селенгинск – более удобное место для ожидания. К тому же он прекрасно осознавал, что до тех пор, пока купцам-единоличникам совсем не запретят доставку сибирских мехов в Пекин, причем как напрямую, так и через посредников, рассчитывать на доход от государственной торговли не приходилось. В своем последнем пространном донесении собственному руководству в Санкт-Петербург, написанном 31 августа, Савва Лукич требовал восстановления запрета на частную торговлю пушниной через границу во время нахождения обоза в Пекине. Ответом стал царский указ в адрес Сената от 30 декабря 1726 года, которым запрещалась частная торговля пушниной с Утрой, Науном и на рынках прочих городов, находившихся под властью китайцев, «чтобы обоз Нашей короны не нес убытки от продажи пушнины в Китае». Однако купцы-единоличники могли продолжать вывоз за рубеж любых разрешенных государством товаров по собственному усмотрению после оплаты положенных таможенных пошлин. В данный момент, по крайней мере, российский посол явно видел низкую доходность казенных обозов, посещавших Пекин. Уже в мае его терзали сомнения по поводу того, что китайцы наконец-то пойдут на возобновление торговли непосредственно в Пекине, и он предложил, чтобы при таком раскладе государственную пушнину доставляли в Утру на 50 тысяч рублей в год. А новые партии пушного товара задерживать до полной распродажи предыдущих партий. В своем августовском донесении он сетовал на то, что русские купцы-единоличники теперь вывозили в Утру и остальные места громадный объем пушнины, при котором частный экспорт ее в год превышает объем пушнины, перевозимый двумя казенными обозами! С точки зрения таможенных пошлин, начиная с приостановления китайцами торговли, с одних только этих товаров государство теряло 20 тысяч рублей. В отсутствие сотрудничества с китайцами по закрытию границы, из-за слабых мест в организации российской пограничной службы, в силу безграничной изобретательности купцов-единоличников в деле уклонения от государственных чиновников и таможенных платежей, а также по причине избытка в Пекине мехов, доставленных в частном порядке, будущее государственной торговли обозами выглядело туманным. И это в лучшем случае. Требовалось выждать и посмотреть, какие меры можно будет принять совместными с китайцами усилиями.

Путешествие от берегов Буры через монгольские степи и безжизненную пустыню Гоби до ворот Калгана и Пекина оказалось вполне спокойным предприятием, насколько можно было

рассчитывать в те дни и в тех землях, и первые повозки обоза прибыли в Пекин 21 октября 1726 года. После относительно непродолжительного двухнедельного ожидания посол ее императорского величества императрицы всея Руси удостоился приема при дворе Небесного императора Китая и исполнил все предусмотренные протоколом приветственные ритуалы. Случилось это, однако, вскоре после того, как русские гости выступили с громогласными жалобами на дурное с ними обращение. С.Л. Владиславич-Рагузинский и Л. Ланг воспротивились тому, что китайские власти всячески ограничивают свободу их передвижения, что их жилище находится под постоянной охраной солдат Пекинского гарнизона, что все помещения в русском доме каждую ночь опечатывают, что местные поставщики предоставляют им недостаточное количество продовольствия («держат на голодном пайке»), что их снабжают вредной для здоровья соленой водой, что им всем угрожают тюрьмой за неуступчивость на переговорах. Во время этих переговоров и сам Савва Лукич и половина его свиты заболели (причиной недуга тогда назвали употребление соленой воды), но справедливости ради следует признать, что Юнчжэн спешно направил своего собственного лекаря на помощь занедужившему русскому послу.

Китайцы широко применяли изворотливую и изощренную «строптивость, отговорки и даже шантаж», но и тактика русских дипломатов точно так же благородством не отличалась. Коэн сообщает, что перед отъездом из Санкт-Петербурга С.Л. Владиславич-Рагузинский принимал в своем доме французского посла Жака де Кампредона и получил от него рекомендательное письмо для передачи иезуитскому миссионеру отцу Доминику Парренину. В Пекине Савва Лукич имел приятную и плодотворную беседу с этим искусным в политических делах иезуитом и получил от него рекомендательное письмо для первого вельможи двора (да-сюэши) по имени Мацы, принадлежавшего к маньчжурскому роду Окаймленного желтой полосой знамени. Он к тому же долгое время поддерживал связи с русскими жителями Пекина и приграничной зоны. Позже отец Парренин взял на себя роль посредника в общении с маньчжурами, а также оказал помощь в качестве переводчика. Мацы проявил себя еще более полезным человеком. Он, как теперь представляется, держал русских дипломатов в курсе всех тонкостей переговоров, а также сообщал им о событиях при китайском дворе и разговорах среди китайских сановников, уполномоченных вести переговоры с гостями из России. При этом стоит помнить о его безупречной репутации неподкупного мандарина. Во всяком случае, Владиславич-Рагузинский считал вполне достаточным установить вознаграждение за его заботы пушниной на сумму в 1000 рублей, а ходатайство отца Парренина оценил в 100 рублей. За этими лукавыми словами скрывается успешное использование русским послом для решения своих задач практически неприкрытого подкупа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.